

УДК 930(47+57)+930(477)-054.72

Ковеля В.В., кандидат исторических наук, старший преподаватель, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия)

ДИСКУССИИ МЕЖДУ ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ СОВЕТСКОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК НА XI МЕЖДУНАРОДНОМ КОНГРЕССЕ ИСТОРИКОВ¹

Статья посвящена событиям XI Международного конгресса исторических наук, проходившего в Стокгольме в 1960 г., одной из немногих площадок, где представители мировой исторической науки имели возможность встретиться, представить свои научные концепции, изложить собственную систему взглядов на ключевые вопросы истории человечества. Нередко в рамках конгресса возникали острые научные дискуссии, иногда в значительной мере политизированные. В статье особое внимание уделено как раз одному из таких споров, который разгорелся между представителями советской исторической науки, и выступающими с иных методологических и идеологических позиций историками-эмигрантами, выходцами из бывших территорий Российской империи. Некоторые участники спора были этническими украинцами, и сегодня их в полной мере признают представителями украинской историографии. Примечательно, что таковые были и в одном, и другом лагерь, что делает предмет рассмотрения нашей статьи более интересным и заслуживающим внимания. Главными источниками для написания статьи стали воспоминания непосредственных свидетелей тех событий, что дает возможность увидеть происходившие дискуссии через призму их личностного восприятия. Также в работе привлечены научные труды, содержащие концептуальные воззрения участников спора.

Ключевые слова: историография, Международный конгресс исторических наук, Славянская комиссия, Упсала, В.А. Голобуцкий, М.Н. Тихомиров, Б.А. Рыбаков, А.Л. Сидоров, М.Д. Чубатый.

DOI:10.22281/2413-9912-2024-08-04-34-38

Введение. Каждые 5 лет, начиная с 1900 г., проводятся Всемирные конгрессы историков. За более чем вековую историю они стали максимально широкой дискуссионной площадкой, на которой самые яркие представители исторической науки разных стран могут продемонстрировать личные достижения в той или иной сфере исторического знания, обсудить наиболее актуальные темы и острые вопросы, обозначить дальнейшие направления развития международного научного сотрудничества. С 1926 г. для организации их деятельности существует Международный комитет исторических наук (МКИН) – неправительственная организация, включающая национальные комитеты стран-членов. Главная цель комитета – содействие развитию исторических наук посредством укрепления международного сотрудничества. И все же нередко конгрессы превращались в настоящее поле для баталий между представителями диаметрально противоположных исторических взглядов по тем или иным исторически важным проблемам. Так случилось и на XI Международном конгрессе историков в Стокгольме 21 - 28 августа 1960 г., когда накануне основных обсуждений с 16 по 20 августа в соседней Упсале была организована и проведена Международная славянская комиссия [1, л. 1]. Подобные комиссии организовывались и по другим отраслям научного исторического знания и являлись составной частью самого конгресса.

Конгресс в Стокгольме после завершения Второй мировой войны стал вторым международным собранием историков, на котором присутствовала делегация ученых Советского Союза. Первый раз представители советской исторической науки приняли участие в Международном конгрессе 1955 г. в Риме. Это стало возможным только после вступления СССР в ЮНЕСКО в 1954 г. В Италию прибыло всего 24 ученых-историков во главе с академиком А.М. Панкратовой. Некоторые трудности возникли в вопросе предоставления возможностей для выступления советских делегатов. Дело в том, что список докладов для конгресса был утвержден еще в 1953 г., т.е. до вступления СССР в ЮНЕСКО и Академии наук СССР в МКИН, и хотя Бюро МКИН пошло навстречу представителям советской науки, возможность сделать доклад получил только директор Института истории АН СССР А.Л. Сидоров, и еще шести делегатам (В.И. Шунков, Е.А. Степанова, А.В. Арциховский, С.Д. Сказкин, В.М. Хвостов и Б.Б. Пиотровский) дали право на представление сообщений [7, с. 45].

Объект исследования. В 1960 г. количество ученых из стран социалистического лагеря заметно возросло. Присутствовало свыше 230 историков из Болгарии, Венгрии, ГДР, МНР, Польши, Румынии, СССР и ЧССР. Советскую делегацию составили 42 человека, среди которых были академики Академии наук СССР Е.М. Жуков, И.И.

© Ковеля В.В.

© Kovelya V.V.

¹ Статья подготовлена в рамках реализации гранта Российского научного фонда №23-28-00281 «Украинская историография средневековой Руси в конце XX - начале XXI в.: концепции, истоки, тенденции».

Минц, М.В. Нечкина, Б.А. Рыбаков, М.Н. Тихомиров, члены-корреспонденты А.А. Губер, М.П. Ким, В.М. Хвостов, доктора исторических наук А.Р. Иоаннисян, Г.А. Меликишвили, А.Ф. Миллер, А.Л. Сидоров, Н.А. Сидорова, С.Л. Тихвинский, Л.В. Черепнин и другие ученые, представлявшие научные центры и учебные заведения Советского Союза[3, с. 3]. Возможности для представления их научных взглядов и ведения дискуссий также были расширены. В 1957 г. был опубликован перечень докладов для предстоящего конгресса, в котором три из тридцати выступлений, утвержденных на заседании Бюро МКИН в Лозанне, предстояло сделать советским ученым[5, с. 221]. Также в рамках конгресса, предвзяв работу основных секций, должны были состояться обсуждения в рамках пяти комиссий, одна из которых была посвящена истории славян. Советская делегация для участия в этой комиссии включала руководителя группы члена-корреспондента АН СССР Б.А. Рыбакова, академика М.Н. Тихомирова, докторов наук А.Л. Сидорова и В.А. Голобуцкого.

Славянская комиссия была организована по инициативе ее председателя, французского историка-слависта А. Мазона, автора книги о «Слове о полку Игореве»[12]. Один из наиболее заметных представителей советской делегации, М.Н. Тихомиров, вспоминая о своем участии в комиссии, критически оценивал научный потенциал мероприятия: «Комиссия эта представляла собой явление очень странное, как и наше участие в подобной комиссии, вследствие большой хитрости и политического нахальства зарубежных славяноведов с одной стороны и низкопоклонства перед зарубежными учеными со стороны некоторых советских славистов — с другой»[2, л. 157]. Развивая мысль, он продолжал: «Попросту говоря, одурачив наших славяноведов-лингвистов, во главе с академиком Виктором Владимировичем Виноградовым, Мазон добился нашего участия в этой комиссии, находившейся под покровительством ЮНЕСКО»[2, л. 158].

На страницах своих мемуаров М.Н. Тихомиров разделил всех несоветских участников комиссии на две категории: 1) «неславянских ученых из зарубежных стран, занимающихся историей славянства», 2) «из славянских эмигрантов, изменивших славянским странам»[2, л. 158]. Симпатии историка были явно на стороне первых: «Неславянские ученые славяноведы, несомненно, представляли собой лучшую часть конгресса по сравнению со славянами, сделавшимися американцами, канадцами, немцами, французами и т.д. Эта часть славянской комиссии представляла собой крайне некрасивое зрелище, агрессивно настроенное и не скрывавшее своей ненависти к Советскому Союзу, а заодно и к русскому народу, как основному

носителю советских идей»[2, л. 158]. Среди второй группы участников было значительное количество представителей украинской эмигрантской исторической науки: Ю. Борис (Швеция), Т. Галайчук (Аргентина), Б. Кентржинский (Швеция), И. Лысяк-Рудницкий (США), Т. Мацькив (США), Я. Пеленский (США), П. Феденко (ФРГ), М. Чубатый (США)[9, с. 719].

Результаты и их обсуждение. Непосредственно с докладами выступали два представителя зарубежной украинской науки: М.Д. Чубатый («Киевская Русь и формирование трех восточнославянских народов») из США и Б. Кентржинский («Мазепа и Великая Северная война 1700 – 1721 гг.») из Швеции[11, р. 45, 48]. Главными оппонентами М. Чубатого стали М.Н. Тихомиров и Б.А. Рыбаков, которые по поводу формирования восточнославянских народов стояли на позиции концепции древнерусской народности[8]. М.Н. Тихомиров о своем участии в дискуссии вспоминал без подробностей, передавая лишь общий эмоциональный фон происходивших дебатов: «В конечном итоге вся наша троица (М.Н. Тихомиров, А.Л. Сидоров и В.А. Голобуцкий — *В.К.*), с прибавлением переводчицы, представляла собой типичную воинскую команду, которая поставлена была в очень опасном и тяжелом месте»[2, л. 164]. Несколько подробнее освещают характер спора воспоминания других участников обсуждения. 10 сентября 1960 г. в письме к Г.В. Вернадскому историк-эмигрант, преподававший на славистической кафедре Кембриджского университета, Н.Е. Андреев, писал: «Самым интересным были выступления сов<етских> академиков Тихомирова и Рыбакова по ужаснейшему докладу Чубатого (из Нью-Йорка из тамошней Украинской академии) о формировании трех славянских народов в Восточной Европе. Они высекали его показательно, — почувствовали им 80% присутствующих, и сами самостийники были, кажется, смущены, — может быть, впервые в жизни!»[4, с. 801]. Результатом этой обоснованной, как следует из дальнейшего решения, критики стало признание комиссией доклада М. Чубатого не состоявшимся[7, с. 61].

Однако сам автор доклада не был готов признать поражение в развернувшейся дискуссии, о чем свидетельствует тот факт, что спустя четыре года он опубликовал на украинском языке книгу с аналогичным докладу названием «Княжа Русь-Україна та виникнення трьох східнослов'янських націй»[10]. Тезисы его выступления в Упсале на английском языке были помещены в приложениях к книге. Во вступительном слове он указал, что основой для создания этой книги послужил именно тот самый доклад 1960 г. Отметил М. Чубатый и участие в обсуждениях его выступления видных советских ученых Б.А. Рыбакова и М.Н.

Тихомирова, признал ценность того, что смог познакомиться с результатами работы советских историков, но также отметил и важность осуществить издание своего труда, дабы не допустить существования «монополии российских историков Академии наук СССР» на изучение истории Киевского государства [10, с. 7]. При этом он заявлял, что несмотря на существование многочисленных «российских институтов истории» средневековая история Восточной Европы по-прежнему остается «terra incognita» [10, с. 8]. Проблема же происхождения трех восточнославянских народов, по мнению историка, и вовсе не может быть решена советскими учеными, так как «объективное исследование этого вопроса полностью исключено, ибо на окончательное решение дела имеет влияние не исторический научный мир в СССР, но ЦК коммунистической партии, следовательно, фактор сугубо политический» [10, с. 11].

Текст книги позволяет определить суть концептуальных выводов М. Чубатого, которые не претерпели серьезных изменений в сравнении с тезисами, представленными ранее широкой научно-исторической общественности. Ученый полагал, как и его предшественник М. Грушевский, что факт существования трех восточнославянских народов (российского, украинского и белорусского) является бесспорным, и также утверждал, что каждый из них имеет свою собственную историю, исходящую от самых начал исторических времен [10, с. 13]. Тем самым историк решительно отвергал идею выделения восточнославянских народов из единой древнерусской народности. Далее он уточнял, что даже географически территории формирования этих народов были неодинаковы (степные районы среднего Поднепровья – украинцы, лесные верховья Днепра и Волги – белорусы и россияне), и, как следствие, скорость протекания этого процесса была разной: «Географические условия обозначили формирование трех восточнославянских народов: ранее украинцев, а позднее россиян и белорусов» [10, с. 26]. Автор находит истоки украинской истории в трипольской археологической культуре, полагая, что именно она стала основой для формирования племен антов, которых он однозначно признает «первыми историческими предками украинского народа, и только украинского» [10, с. 31-33]. Именно «антским славянам» историк приписывает создание Киевского государства, определяя этот процесс «началом исторических времен украинского народа» [10, с. 45]. При этом он не отрицает консолидирующую роль варяжского завоевания, признавая существенный вклад варягов в объединение территорий от Новгорода до Киева почти на два века [10, с. 48]. Впрочем, ученый отказывался признавать, что «русской землей»

называлось всё созданное ими государственное образование, утверждая, что подобный топоним вплоть до смерти Ярослава Мудрого относился только к «старой части империи», т.е. территории, населенной современными украинцами [10, с. 59]. Касательно московского (российского) народа автор утверждал, что он возник позже двух других, экономически тоже отставал ввиду более позднего развития в верховьях Волги земледелия и скотоводства [10, с. 93-94]. Особое внимание М. Чубатый уделил происхождению названия «Россия», утверждая, что это греческое название Руси было незаконно присвоено Московским царством во времена Петра I, в то время как «все тогда в Европе понимали, что “Русь” и “русский” – это названия идентичные с названиями “Украина” и “украинский”... старыми названиями Русь и русский обозначали совместно народ украинский и белорусский» [10, с. 18]. Очевидно, что подобные умозаключения не могли не вызвать возражений и критики со стороны представителей советской исторической науки, что произошло в ходе конференции в Упсале.

Главным оппонентом доклада Б. Кентржинского оказался заведующий отдела истории феодализма в Институте истории АН УССР, профессор В.А. Голобуцкий, который, как утверждал украинский историк, автор статьи об участии украинских ученых в Международных конгрессах историков, академик Национальной академии наук Украины Я.Д. Исаевич, «должен был декларировать, что Мазепа проводил антинародную и антисоциальную политику» [9, с. 719]. Впрочем, автор не обвиняет историка в конъюнктурности взглядов и даже приводит в его оправдание воспоминания американского историка украинского происхождения Я.Б. Пеленского, утверждавшего, что «дискуссионные выступления и доклады проф. В. Голобуцкого, хотя и исходили из обязательных в СССР позиций, при этом удерживались в тех рамках, которые определяли научные дискуссии» [9, с. 720].

Последней каплей в переполнившейся чаше терпения представителей советской исторической науки стало выступление немецкого историка И. Вейдлейна из ФРГ с докладом «Мадьярский национализм и изгнание немцев из Венгрии», который большинство участников комиссии признали ненаучным и политически ангажированным. Возмущение от доклада этого историка было столь велико, что его даже изъяли из итогового протокола комиссии, а советская делегация демонстративно покинула зал заседания [7, с. 61]. Впрочем, в своих мемуарах М.Н. Тихомиров указывал иную причину преждевременного отъезда советских историков из Упсалы, утверждая, что виной тому было ухудшение здоровья его и А.Л. Сидорова ввиду

чрезмерного эмоционального и нервного напряжения в ходе дискуссий [2, л. 164].

События в Упсале явились интересным фактом в отношениях официальной советской исторической науки с представителями ученых-эмигрантов, выходцев из территорий бывшей Российской империи. Происходившая между ними полемика очень часто приобретала характер идеологического противостояния, вызывала непримиримое желание доказать свою «правду», не всегда опираясь на собственно научные методы и приемы аргументации, отстаивания собственной концептуальной позиции, нередко она перерастала в откровенные конфликты и стремление максимально очернить оппонентов. В то же время не стоит думать, что подобные международные встречи были лишены конструктивной составляющей. Даже, пожалуй, с большей частотой участие советских историков во всемирных конференциях расширяло методологические и тематические горизонты отечественной науки, помогало устанавливать контакты с представителями науки других стран, в попытках защитить собственные исторические концепции, представляемые на суд широкой мировой общественности, уточнялась и дополнялась исследуемая картина прошлого, выявлялись новые и детализировались прежние причины и движущие силы изучаемых исторических событий и явлений.

Межличностные отношения с представителями эмигрантской науки тоже были неоднородны. Если политизированные, лишённые научной составляющей выступления и поведение иностранных коллег вызвали критику и осуждение, то совершенно иначе складывались отношения с теми из них, кто столь же увлеченно искренне занимался наукой, в том числе средневековой российской историей. Среди таковых можно выделить сообщение английского историка русского происхождения Д.Д.

Оболенского «Новгородское общество в раннее Средневековье», которое хотя и не содержало принципиально новых фактов, но способствовало зарождению научно оправданной дискуссии с участием других крупных специалистов в этом вопросе, каковым, несомненно, являлся профессор Л.В. Черепнин. Об этом эпизоде вспоминал член советской делегации Ю.А. Поляков, который писал, что это выступление содержало «глубокие и основательные соображения о социально-экономической и политической истории Новгородской боярской республики» [6, с. 276]. Весьма положительно отзывался о Д.Д. Оболенском и М.Н. Тихомиров: «Дмитрий Дмитриевич Оболенский — фигура очень интересная. Хотя он и называется мистером, это самый настоящий князь Оболенский, прекрасно говорящий на русском языке, ярый патриот России, конечно, прошлого времени, и православный деятель» [2, л. 171].

Заключение. Очевидно, что конструктивная составляющая в рамках Международного конгресса была значительно больше, диалог между историками-профессионалами был возможен, несмотря на методологические и идейные противоречия, и вопрос гражданства или этнической принадлежности ученых был вторичен. Те же, кто пытался превратить конгресс в политико-идеологическое поле боя, были обречены оказаться вне научного диалога. Позиция представителей украинской историографии на этой конференции весьма показательна. Часть из них в лице В.А. Голобуцкого, несмотря на скованность относительно жесткими рамками марксистской методологии, сохранила научный подход в работе, что было отмечено и признано научным сообществом середины XX века и более поздними исследователями. Другие же, в лице М. Чубатого и Б. Кентржинского, не смогли разделить науку и личные политические убеждения, чем вызвали критику даже со стороны лояльно настроенных к ним современников.

Список литературы

1. Архив Российской академии наук (РАН). Ф. 693. Оп. 3. Д. 223. Программа пребывания участников XI Международного конгресса историков (Международной комиссии славяноведения) в Упсале (Швеция).
2. РАН. Ф. 693. Оп. 6. Д. 11. Воспоминания М.Н. Тихомирова.
3. XI Международный конгресс исторических наук в Стокгольме // Вопросы истории. 1960. № 12. С. 3-29.
4. Вовина-Лебедева В.Г. Школы исследования русских летописей: XIX–XX вв. СПб, 2011. 926 с.
5. Научные доклады на XI конгрессе историков (1957 г.) // Вопросы истории. 1957. № 7. С. 221.
6. Поляков Ю.А. Историческая наука: люди и проблемы. М., 1999. 453 с.
7. Российские историки на международных конгрессах исторических наук (1900–2000 гг.). ист. обзор / Ин-т всеобщ. истории Рос. акад. наук, Нац. ком. рос. историков; [сост. Н. М. Меньшова]. М., 2005. 202с.
8. Юсов С.Л. Историографические наблюдения в связи с письмом британо-русского слависта Н. Андреева к В. Голобуцкому. [Электронный ресурс]. URL: http://www.cossackdom.com/personal/usov_istoriograf02033.htm/ (дата обращения 8.07.2023)
9. Ісаєвич Я.Д. Міжнародні конгреси істориків // Енциклопедія історії України. Т. 6. Ла - Мі / Редкол.: В. А. Смолій (голова) та ін. НАН України. Інститут історії України. Київ, 2009. С. 714-726.

10. Чубатий М. Княжа Русь-Україна та виникнення трьох східнослов'янських націй. Нью-Йорк, 1964. 159 с.
11. XI Congrès International des Sciences historiques. Stockholm 21-28 VIII 1960. Supplément. List des Membres. Stockholm, 1960. 76p.
12. Mazon A. Le Slovo D'Igor. Paris, 1940. 182p.

DISPUTES BETWEEN REPRESENTATIVES OF SOVIET AND UKRAINIAN EMIGRANT HISTORICAL SCIENCES AT THE XI INTERNATIONAL CONGRESS OF HISTORIANS IN SWEDEN

The article is devoted to the events of the XI International Congress of Historical Sciences, held in Stockholm in 1960, one of the few sites where representatives of world historical science had the opportunity to meet, present their scientific concepts, and present their own system of views on key issues of human history. Often, sharp scientific discussions arose within the framework of the congress, sometimes largely politicized. The article pays special attention to just one of these disputes that erupted between representatives of Soviet historical science, and emigrant historians from other methodological and ideological positions, immigrants from the former territories of the Russian Empire. Some of the participants in the dispute were ethnic Ukrainians, and today they are fully recognized as representatives of Ukrainian historiography. It is noteworthy that there were both in one and the other camps, which makes the subject of our article more interesting and noteworthy. The main sources for writing the article were the memories of direct witnesses of those events, which makes it possible to see the discussions that took place through the prism of their personal perception. Also involved in the work are scientific works containing conceptual views of the participants in the dispute.

Keywords: historiography, International Congress of Historical Sciences, Slavic Commission, Uppsala, V.A. Golobutsky, M.N. Tikhomirov, B.A. Rybakov, A.L. Sidorov, M.D. Chubaty.

References

1. Arxiv Rossijskoj akademii nauk (ARAN) [Archive of the Russian Academy of Sciences (ARAN)]. F. 693. Op. 3. D. 223. Programma prebyvaniya uchastnikov XI Mezhdunarodnogo kongressa istorikov (Mezhdunarodnoj komissii slavyanovedeniya) v Upsale (Shveciya). [Program of stay of participants of the XI International Congress of Historians (International Commission of Slavic Studies) in Uppsala (Sweden)].
2. ARAN. F. 693. Op.6. D. 11. Vospominaniya M.N. Tikhomirova [Memoirs of M.N. Tikhomirov].
3. XI Mezhdunarodny'j kongress istoricheskix nauk v Stokgol'me [XI International Congress of Historical Sciences in Stockholm]// Voprosy' istorii [Questions of history]. 1960. № 12. P. 3-29.
4. Vovina-Lebedeva, V.G. (2011). Shkoly' issledovaniya russkix letopisej: XIX–XX vv [Schools of research of Russian annals: XIX-XX centuries]. St. Petersburg. 926 p.
5. Nauchny'e doklady' na XI kongresse istorikov (1957 g.) [Scientific reports at the XI Congress of Historians (1957)]// Voprosy' istorii [Questions of History]. № 7. P. 221.
6. Polyakov, Yu.A. (1999). Istoricheskaya nauka: lyudi i problemy' [Historical science: people and problems]. Moskva. 453 p.
7. Rossijskie istoriki na mezhdunarodny'x kongressax istoricheskix nauk (1900-2000 gg.) [Russian historians at international congresses of historical sciences (1900-2000)]. Moskva, 2005. 202p.
8. Yusov, S.L. Istoriograficheskie nablyudeniya v svyazi s pis'mom britano-russkogo slavista N. Andreeva k V. Golobuczkomu [Historiographic observations in connection with the letter of the British-Russian Slavist N. Andreev to V. Golobutsky]. [Electronic resource]. URL: http://www.cossackdom.com/personal/usov_istoriograf02033.htm/ (accessed on 8.07.2023)
9. Isaevich, J.D. (2009). Mizhnarodni kongresi istorikov [International Congresses of Historians] // Enciklopediya istorii Ukraïni [Encyclopedia of History of Ukraine]. T. 6. Kyiv. P. 714-726.
10. Chubatiy, M. (1964). Knyazha Rus'-Ukraïna ta viniknennya tr'ox schidn'oslov'yans'kix naczij [Prince Rusy - Ukraïna that viniknennya three schidnosts of the Yan nationalities]. New York. 159 p.
11. XI Congrès International des Sciences historiques. Stockholm 21-28 VIII 1960. Supplément. List des Membres. Stockholm. (1960). 76p.
12. Mazon, A. (1940). Le Slovo D'Igor. Paris. 182p.

Об авторе

Ковеля Валерий Валерьевич – кандидат исторических наук, старший преподаватель, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия), E-mail: kovelya@yandex.ru

Kovelya Valery Valerievich - Candidate of Historical Sciences, Senior Lecturer, Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky (Russia), E-mail: kovelya@yandex.ru